

Некоторые соображения по поводу промежуточного варианта списка языков Российской Федерации

Казакевич Ольга Анатольевна (kazakevich.olga@iling-ran.ru), Кузнецов Никита Александрович (n.kuznetsov@iling-ran.ru), Мордашова Дарья Дмитриевна (mordashova.d@yandex.ru), Ренковская Евгения Алексеевна (jennyrenk@gmail.com)
(Лаборатория исследования и сохранения малых языков, Институт языкознания РАН)

В процессе работы над проектом “Малые языки России” наша Лаборатория была привлечена к обсуждению списка языков России. Проблема составления списка из года в год не теряет своей актуальности, поскольку языки и степень их изученности находятся в постоянной динамике: одни языки “засыпают”, о других появляются новые данные, носители третьих переживают рост этнического и языкового самосознания. При составлении списка основную сложность составляют два круга проблем: 1) определение, какой идиом имеет / получает статус языка, а какой – диалекта; 2) определение, какие идиомы признаются языками России, а какие нет. В ходе обсуждения актуального списка у нас возник ряд вопросов, требующих дополнительного рассмотрения. В докладе предполагается коснуться некоторых из них. Сразу отметим, что мы не будем затрагивать самую “горячую точку” списка - классификацию даргинских языков, оставив эту тему специалистам.

1. Начнем с проблем второго круга. Составители используют следующие критерии признания идиомов языками России: компактность проживания носителей языка; традиционность проживания в России; доля носителей в России от общего числа носителей в мире (подробнее см. <http://jazykirf.iling-ran.ru/Criteria.shtml>). По поводу последнего критерия отметим, что, хотя выделение процента носителей языка среди всех жителей для определения компактности в каждом определенном населенном пункте выглядит вполне разумно, неопределенность размера населенного пункта приводит к тому, что в равное положение попадают многомиллионная Москва и хутор с населением в несколько десятков человек. Трудно сказать, как можно решить этот вопрос, однако проблема масштаба единицы территории для определения компактности существует, и ее стоит учитывать.

Следующие два пункта посвящены проблемам первого круга (подробный обзор критериев признания идиома языком или диалектом см. в [Коряков 2017]).

2. В России существуют языки, диалекты которых сильно удалены друг от друга географически и имеют контакты с разными языками, а у их носителей разные исторические судьбы (ср. идиомы сибирских татар и различных групп ногайцев, в особенности астраханских ногайцев). В таких случаях роль собственно лингвистических критериев и степени взаимопонятности между идиомами зачастую отходит на второй план. Ведущую роль при включении языка в список начинают играть такие экстралингвистические критерии, как традиционность выделения языка, этническое самосознание, наличие письменности и др.

3. Отдельную проблему составляет статус некоторых идиомов, которые ранее считались диалектами языков, распространенных за пределами России. Так, в представленном нам варианте списка в единый идиом *турецкий язык* были слиты язык турок-месхетинцев, язык цалкинских урумов (с разными историческими судьбами) и литературный турецкий, используемый выходцами из Турции. При этом месхетинские турки считают себя отдельным этносом и их язык достаточно далек от стандартного турецкого (о языковой ситуации месхетинских турок см. также [Симоненко 2002]). Неоднозначной выглядит ситуация и с разновидностями китайского макроязыка (дунганский, тазовский и литературный китайский), которые можно лингвистически отнести к диалектному континууму севернокитайского языка, однако дунганский традиционно выделяется как отдельный язык, а тазовский, наоборот, принято считать диалектом (о тазовском китайском см. [Беликов, Перехвальская 2002]).

4. Насколько можно судить по представленному нам варианту списка языков, составители все же чаще сталкивались с проблемой разделения одного языка на два или

несколько, чем с соединением в один язык идиомов, ранее считавшихся отдельными языками. Примером, по-видимому, обоснованного соединения может служить карельский (версия списка 2019 г. содержит три языка: собственно карельский, ливвиковский и людиковский, а версия 2021-2022 гг. – единый карельский). В этой версии было еще одно объединение – трех из четырех саамских Кольского полуострова – и создание нового имени для результата этого объединения. Обоснованность этого объединения предполагается обсудить в докладе.

5. При составлении списка возникают и формальные проблемы, связанные с утверждением основного названия языка. Нам представляется, что и в этом вопросе стоит учитывать мнение его носителей. Приведем здесь два примера. 1) Важным оказывается вопрос о слитном или дефисном написании таких названий, как *крымскотатарский* и *сибирскотатарский* [Селендили 2020; Квашнин, Бакиева 2019]. В представленной нам версии списка использовалось дефисное написание, которое зафиксировано в официальных документах. Однако, по сообщениям, полученных нами от языковых активистов, такое написание мало приемлемо для носителей этих языков: дефисное написание воспринимается ими как отождествление их языков с татарским (казанским татарским), распространенным на соответствующих территориях, против чего они категорически возражают, а потому предпочитают именно слитное написание. 2) Общины турок-месхетинцев, привлеченные к решению вопроса о названии, выбрали в качестве предпочтительного варианта названия своего языка вариант *ахыскінский*.

Литература

Коряков Ю.Б. Проблема «язык или диалект» и попытка лексикостатистического подхода // Вопросы языкознания, 2017, №6, 79–101.

Беликов В.И., Перехвальская Е.В. Тазов язык // Языки народов России. Красная книга: Энциклопедический словарь-справочник. М.: Academia, 2002. С. 170–174.

Селендили Л.С. К вопросу о функционировании крымскотатарского языка в Республике Крым [Электронный ресурс]. Социоллингвистика. 2020, № 2(2). С. 108–123.

Симоненко В. А. Месхетинские турки: исторические условия двуязычия // Грани 2002: Ежегодник факультета истории, социологии и международных отношений. — Краснодар, 2002. — С. 163—169.

Квашнин Ю.Н., Бакиева Г.Т. Этнокультурное образование на юге Тюменской области и проблемы сохранения сибирскотатарского языка // Теоретическая и прикладная лингвистика. 2019. № 5 (3). С. 78–98.